

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-45-61>.

Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 45–61.

Ancient World and Archaeology. 2021. No. 20. Pp. 45–61.

<https://ama.sgu.ru/ru>

Научная статья

Article

УДК 94(37)|-03/-00|+929 Сморчков

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОЦЕНКАХ РИМСКОЙ «ДЕМОКРАТИИ»?

В.К. Хрусталёв

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Хрусталёв Вячеслав Константинович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, vyacheslav2511@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3174-9028>.

Аннотация: автор критикует недавнюю статью А.М. Сморчкова, посвященную сопоставлению политического устройства Римской республики и современных демократических государств. Доказывается ошибочность главного тезиса А.М. Сморчкова, согласно которому Римская республика III–I вв. до н.э. должна быть признана демократией.

Ключевые слова: Римская республика, римское политическое устройство, Фергюс Миллар, демократия, меритократия.

Для цитирования: *Хрусталёв В.К. Двойные стандарты в оценках римской «демократии»? // Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 45–61. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-45-61>.*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

DOPPELTE STANDARDS BEI DER BEWERTUNG DER RÖMISCHEN “DEMOKRATIE”?

V.K. Khrustalyev

Herzen State Pedagogical University, 48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia.

Khrustalyev Vyacheslav Konstantinovich, vyacheslav2511@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3174-9028>.

Abstract: der Verfasser übt Kritik am vor kurzem erschienenen Aufsatz von A.M. Smorchkov, in dem die Verfassung der römischen Republik und der gegenwärtigen demokratischen Staaten gegenübergestellt wird. Es wird bewiesen, dass die Hauptthese Smorchkovs, die römische Republik in der Zeit vom 3. bis zum 1. Jahrhundert v. Chr. als Demokratie zu betrachten sei, nicht zutrifft.

Keywords: römische Republik, römische Verfassung, Fergus Millar, Demokratie, Meritokratie.

For citation: *Khrustalyev V.K. Doppelte Standards bei der Bewertung der römischen “Demokratie”? Ancient World and Archaeology. 2021. No. 20. Pp. 45–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-45-61>.*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Поводом для написания этого текста стало знакомство с вышедшей относительно недавно статьей А.М. Сморчкова (далее – А.С.), в которой автор излагает свои соображения по поводу сущности политического

строю Римской республики и сопоставляет его с устройством современных демократических государств¹. Работы по этой теме – весьма популярной в западной историографии – не так часто появляются в отечественной литературе. Хотелось бы надеяться, что благодаря публикации в политологическом, а не в узкоспециальном журнале эта статья приобретет дополнительную аудиторию. Однако представляется, что некоторые выводы А.С. могут ввести этих потенциальных читателей, не слишком искушенных в проблемах римской истории, в заблуждение. В частности, нельзя согласиться с главным тезисом статьи, согласно которому Римская республика III–I вв. до н.э. должна быть признана демократией. В этом отношении автор в основном следует в русле очень спорной концепции Ф. Миллара², которая справедливо вызвала многочисленные критические отзывы в исследовательской литературе³ (хотя А.С. и отмежевывается от позиции шотландского ученого по ряду вопросов, см., например, с. 4–5). А.С. оговаривает, что в своей статье он рассматривает лишь некоторые аргументы критиков теории Ф. Миллара, которых он обвиняет в «двойных стандартах» при оценке политического строя Римской республики (с. 2, 4): с его точки зрения, исследователи, отказывающиеся признать Римскую республику демократией, должны в этом случае не признавать таковыми и современные демократические государства. Подобная полемическая заостренность в работе, предназначенной для относительно широкой аудитории, объяснима и даже оправданна, но автор должен отдавать себе отчет в том, что она, в свою очередь, делает его собственную позицию уязвимой для критики. Представляется, что в рассматриваемой статье А.С. идеализирует римлян вообще и политическую систему Республики в частности. В предлагаемом вниманию читателя очерке я попытаюсь продемонстрировать, что А.С. тоже не удалось избежать использования критикуемых им «двойных стандартов», только с обратным знаком: создается впечатление, что он хочет показать, будто римская политическая система была «не хуже» современной предста-

¹ См. Сморчков А.М. Двойные стандарты в оценках римской демократии // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–12.

² См. напр.: Millar F. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. Vol. 74. P. 1–19; *idem*. Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.) // JRS. 1986. Vol. 76. P. 1–11; *idem*. Political Power in Mid-Republican Rome: Curia or Comitium? // JRS. 1989. Vol. 79. P. 138–150; *idem*. Popular Politics at Rome in the Late Republic // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz / I. Malkin, Z.W. Rubinson (eds.). Leiden; New York; Köln, 1995. P. 91–113; *idem*. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998.

³ См. напр.: Jehne M. Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.) Stuttgart, 1995. S. 1–9; Gabba E. Democrazia a Roma // Athenaeum. 1997. Vol. 85. P. 266–271; Hölkeskamp K.-J. The Roman Republic: Government of the People, by the People, for the People? // SCI. 2000. Vol. 19. P. 203–223; Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2001; *idem*. Politics in the Roman Republic. Cambr., 2017.

вительной демократии, а в каких-то отношениях – даже и «лучше». Разумеется, в короткой статье я не имею возможности обосновывать все свои утверждения, подробно анализируя свидетельства античных источников (чего не делает и сам А.С.), поэтому в большинстве случаев я ограничусь ссылками на соответствующую научную литературу, где эти тезисы подкрепляются развернутой аргументацией⁴.

К сожалению, любому исследователю приходится считаться с тем, что термин «демократия» не является сугубо академическим и несет – как и многие другие политологические термины – ярко выраженную эмоциональную нагрузку. Однако полностью отказаться от их употребления и заменить другими, свободными от таких коннотаций, также невозможно. Поэтому следует, вероятно, специально оговорить, что в дальнейшем изложении я не вкладываю в понятия «демократия», «олигархия» и т.п. ни положительного, ни отрицательного смысла и, в частности, не приписываю *a priori* демократическому государственному устройству каких-либо особых, свойственных исключительно ему достоинств или пороков по сравнению со всеми прочими.

Для начала отметим те положения обсуждаемой статьи, с которыми можно согласиться. А.С. справедливо подчеркивает, что «при оценке специфики римского республиканского устройства, в первую очередь, нужно учитывать его полисный характер» (с. 2). Также следует признать довольно удачным принятое А.С. определение полиса: с его точки зрения, полис представляет собой «политически господствующую общину полноправных жителей античного государства (граждан), объединяющую правящую верхушку и часть рядового населения данного государства» (там же). Несомненно верен тезис о том, что в любом полисе рядовые граждане, составляя народное собрание, принимали участие в управлении государством, хотя степень этого участия была различной в полисах демократических и олигархических. Соответственно, именно анализ значения народных собраний в конкретном полисе должен играть ключевую роль для определения типа его политического устройства. Однако сам А.С. в дальнейшем в своих теоретических построениях этого принципа не придерживается (см. об этом далее).

Переходя к рассмотрению политического строя Римской республики III–I вв. до н.э., А.С. справедливо акцентирует внимание на том, что при решении вопроса о его характере отнюдь не следует брать в качестве образца демократического устройства Афины второй половины V–IV вв. до н.э. (с. 4–5). Даже по меркам греческого мира афинская демократия была явлением уникальным. Не подлежит сомнению и тот факт, что античная прямая демократия по целому ряду своих ключевых характеристик отличалась от современной представительной демократии, которая, с точки зрения античных политических

⁴ Эти библиографические указания, разумеется, отнюдь не являются исчерпывающими; предпочтение отдаётся более новым работам.

мыслителей (например, Аристотеля), скорее попадает под определение олигархии (с. 5)⁵.

Нельзя не согласиться с утверждением А.С., что «демократия» в буквальном понимании этого слова, т.е. «власть народа», невозможна в подавляющем большинстве современных государств, с их многочисленным населением и сложным общественным устройством (с. 10). Рядовой гражданин не имеет ни необходимого образования, ни досуга, ни (чаще всего) даже желания самому непосредственно управлять страной. Именно поэтому сейчас ни в одном государстве нет и не может быть ничего похожего на прямую демократию афинского типа. Однако думается, что А.С., предлагая понимать древнегреческое слово буквально, смешивает распространенное (намеренно упрощенное и по большому счету сугубо пропагандистское) толкование этого термина с его реальным содержанием. Он предлагает собственное – и очень странное – понимание демократии. С его точки зрения, «она определяется не существованием формально демократических институтов (хотя это важно), а их наполнением – тем, что называется гражданское общество, т.е. интересом граждан к политике, чувством ответственности за судьбы отечества, добросовестным выполнением обязанностей перед родиной, уважением к государственным органам (ведь сами избрали!), готовностью прийти на помощь отдельному человеку и т.п. <...> Возможность реализации политических прав, на мой взгляд, вторична: она естественно следует из вышеизложенного, но не лежит в основе демократии. По названным показателям Рим не уступает современным государствам»⁶ (с. 10). Но разве ответственность за судьбу родины, патриотизм, готовность помочь ближнему могут существовать только при демократии⁷? И как на практике оценивать наличие (или отсутствие) этих светлых чувств? Такое абстрактное определение, разумеется, позволяет при определенных интеллектуальных усилиях доказать наличие демократии практически где угодно. Кроме того, в

⁵ См. об этом также, напр.: Суриков И.Е. Классическая афинская демократия: «свет и тени народовластия» // *Он же*. Античная Греция: политогенез, политические и правовые институты. 2-е изд. М., 2018. С. 190–191.

⁶ Кстати говоря, последний тезис тоже нуждается в развёрнутом обосновании. Например, наличие у значительного числа рядовых римских граждан (по крайней мере, в эпоху Поздней республики, которая лучше всего освещена в источниках) сильного и устойчивого интереса к политике вызывает большие сомнения. Такой интерес обычно просыпался лишь в кризисных ситуациях. См. об этом, напр.: Flaig E. Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik* / M. Jehne. (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 78. О возможных мотивах участия рядовых граждан в политической жизни см. недавнюю монографию: Knopf F. Die Partizipationsmotive der *plebs urbana* im spätrepublikanischen Rom. Münster, 2018. Ф. Кнопф, в числе прочего, убедительно показывает, что отнюдь не всегда эти мотивы были политическими.

⁷ Тезис об уважении к властям только потому, что их «сами избрали», не вызывает ничего, кроме недоумения – уважение к ним обуславливается в конечном счете тем, как они выполняют свои обязанности.

данном А.С. определении демократии последняя подразумевается как нечто позитивное, то, к чему надо стремиться. Для адекватного научного анализа в данном случае необходимо оставить в стороне любые моральные оценки. Демократию следует рассматривать просто как одну из возможных форм политической организации общества, полезность и эффективность которой зависит только от конкретной исторической ситуации. Эта форма определяется *именно и исключительно* набором определенных политических институтов, прав и обязанностей граждан, а также конкретных механизмов их реализации. Народ в разных обстоятельствах может принимать как хорошие, так и откровенно ошибочные и несправедливые решения (можно вспомнить упоминаемый А.С. процесс над стратегами – победителями при Аргинусских островах в Афинах в 406 г. до н.э.). Демократия также отнюдь не обязательно подразумевает защиту прав и свобод отдельных граждан⁸ – таковые вполне могут нарушаться, если так демократическим путем решит большинство. Поэтому не нужно доказывать, что римляне являлись хорошими ответственными патриотами и, следовательно, в Риме была демократия. Нужно доказать, что в Риме существовали демократические институты и обеспечивавшие их успешное функционирование механизмы, а это, как выясняется, сделать невозможно, потому что ничего подобного там просто не было.

В современных условиях «демократия», если освободить это слово от пропагандистской шелухи, означает, прежде всего, регулярную сменяемость власти, осуществляемую легальным путем, возможность основной массы граждан влиять на ротацию властных элит и определенные гарантии политических прав меньшинств. Условный «народ» выступает скорее в качестве источника легитимности власти и верховного арбитра в конкурентной борьбе правящих групп. Структура современной представительной демократии не предполагает и не требует реального участия основной массы населения в принятии политических решений (исключением являются референдумы, но они в большинстве демократических государств проводятся сравнительно редко), однако народ может выразить свое отношение к существующему политическому курсу и через различные легальные механизмы (прежде всего через выборы) эффективно принуждать правительство его скорректировать. Именно регулярная сменяемость власти и возможность большинства граждан *легальным путем* влиять на принятие политических решений и являются ключевыми признаками демократического устройства, причем это справедливо для любой эпохи (оставим в стороне прямые демократии афинского типа, которые на всем протяжении человеческой истории были скорее редким исключением).

Как же с этим обстояло дело в Римской республике? Безусловно, высшим органом власти там всегда признавалось народное собрание (комиции). Только народ имел право принимать законы, однако этот

⁸ См. *Короленков А.В.* Новые книги об общественно-политической жизни позднереспубликанского Рима // ВДИ. 2009. № 3. С. 189.

факт вовсе не означает, что рядовые граждане в подавляющем большинстве случаев могли оказывать ощутимое влияние на политическую жизнь. В действительности римское народное собрание не было органом, принимавшим политические решения. А.С. не отрицает справедливости выводов немецкого исследователя Э. Флайга, который убедительно показал, что комиции почти всегда одобряли вынесенные на голосование законопроекты⁹. А.С. объясняет эту особенность тем, что «правлящая элита вынуждена была учитывать интересы рядовых граждан, ибо все входило в единый гражданский коллектив» (с. 6). Это утверждение справедливо, но что оно доказывает? Правящая элита и в абсолютных монархиях, и в олигархических республиках, и в демократических государствах *всегда* в той или иной степени должна учитывать интересы лиц, в нее не входящих, если она хочет сделать свое положение сколько-нибудь прочным; чисто репрессивные режимы, которые опираются исключительно на силу и в существовании которых не заинтересован никто, кроме находящейся у власти относительно узкой группы лиц, встречаются редко и отличаются неустойчивостью. На мой взгляд, важнейшей характерной чертой Римской республики (о которой А.С. не упоминает) было то, что социально-экономические проблемы (в частности, земельный вопрос) в значительной степени решались за счет успешной завоевательной политики, которая позволяла увеличивать государственный земельный фонд (*ager publicus*), выводить колонии на захваченные земли и выкачивать ресурсы из провинций¹⁰. На протяжении долгого времени внешняя экспансия была выгодна большинству римлян, и она же позволяла правящей элите удовлетворять свои растущие потребности, не ущемляя сверх меры интересы собственных сограждан. Именно это обстоятельство позволило Риму в течение необычайно долгого времени сохранять относительную внутреннюю стабильность. Тезис о «высоких требованиях морального характера», которые римское общество предъявляло своей правящей элите (с. 8–9), не выдерживает столкновения с действительностью: теоретически такие требования, конечно, предъявлялись (кто же захочет, чтобы правящая верхушка была аморальной и коррумпированной!), но значительная часть римских политических деятелей, особенно в эпоху Поздней республики, им очевидно не соответствовала, а наличие института цензоров, которому А.С. придает неоправданно большое значение, в общем, не исправляло ситуации¹¹. Число исключаемых цензорами во время составления списка сенаторов лиц обычно было

⁹ Flaig E. Entscheidung und Konsens. S. 79–84. См. об этом также: Nippel W. Aufruhr und “Polizei” in der römischen Republik. Stuttgart, 1988. S. 55; Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 58–61.

¹⁰ См. напр.: Корнелл Т.-Дж. Рим возвращает утраченные позиции // Кембриджская история древнего мира. Т. VII. Кн. 2. Возвышение Рима: от основания до 220 года до н.э. / пер. с англ. В.А. Гончарова. М., 2015. С. 400–401.

¹¹ Корыстолюбие многих позднереспубликанских римских политиков хорошо известно (можно вспомнить консула 115 г. М. Эмилия Савра, консула 101 г. Ман. Аквилія, плебейского трибуна 50 г. Г. Скрибония Куриона и многих других).

небольшим¹², и действительно значимые в политическом отношении фигуры попадали в него крайне редко.

Обсуждение вносимого в комиции законопроекта на сходках *contiones*, вопреки мнению А.С., отнюдь не позволяло выяснить отношение народа к нему¹³, так как в этих сходках участвовала ничтожная доля граждан¹⁴. «Обсуждением» то, что происходило на сходках, тоже можно назвать с некоторой натяжкой – никакой свободной дискуссии там не предполагалось, с речами выступали лишь сам автор законопроекта, создавший сходку, и те, кому он предоставлял слово. Зрители могли лишь слушать и выражать свое отношение к словам ораторов криками, свистом, аплодисментами и т.п. (это признает и А.С.: с. 7). Однако в эпоху Поздней республики – а только о ней мы и имеем безусловно надежные свидетельства, происходящие от современников, – судя по всему, обычно публика, собравшаяся на *contio*, в основном состояла из сторонников магистрата, который ее созвал, и она по умолчанию была благожелательно настроена по отношению к оратору¹⁵. Состав аудитории *contiones* в любом случае (и с этим, насколько мне известно, не спорит ни один из серьезных исследователей) нельзя назвать репрезентативным¹⁶. Так как обсуждение и подача голосов были разделены по времени, далеко не все присутствовавшие на *contiones* потом участвовали в голосовании по законопроекту¹⁷. Кроме того, сравнение римских *contiones* с современными митингами

¹² Цензы 115 и 70 г., когда из сената были исключены 32 и 64 человека соответственно (Liv. Per. 62, 98), – исключение. Как известно, даже суровый блюститель нравов М. Катон вычеркнул из списка сенаторов всего 7 человек (Liv. XXXIX.42.5).

¹³ Следует признать, что в этом отношении А.С. следует мнению ряда авторитетных исследователей (см., напр.: Flaig E. Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. Göttingen, 2003. S. 194–199; Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004. P. 119–128; Tiersch C. Politische Öffentlichkeit statt Mitbestimmung? Zur Bedeutung der *contiones* in der mittleren und späten römischen Republik // Klio. 2009. Bd. 91. S. 40–68). Однако он оставил без внимания убедительные аргументы против этой точки зрения, выдвинутые Х. Моритсеном (см. Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 61–67), хотя в других местах на его книгу ссылаются.

¹⁴ Даже в самом лучшем случае аудитория сходки не превышала нескольких тысяч человек. См. подробнее: Mouritsen H. Plebs and Politics... P. 24–26, 32.

¹⁵ Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 85–86.

¹⁶ Социальный состав обычной аудитории *contiones* неясен. По этому поводу в литературе высказываются разные точки зрения, но не подлежит сомнению, что там были представлены далеко не все социальные группы внутри римского гражданства. См. об этом подробнее, например: Chrystaljow W.K. Die *corona* in den spätrepublikanischen römischen Gerichtshöfen // ВДИ. 2021. № 1(81). С. 103. Прим. 20 (с библиографией). Наиболее убедительным представляется предположение, что в большинстве случаев среди участников сходок преобладали зажиточные люди (см. Mouritsen H. Plebs and Politics... P. 43–46; *idem*. Politics in the Roman Republic. P. 75–79).

¹⁷ Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 63.

(с. 7) едва ли правомерно. Мирные митинги и демонстрации в демократических странах может организовывать кто угодно, причем это право закреплено законодательно, а согласование митинга носит уведомительный характер. В Риме формальным правом созывать *contiones* пользовались только магистраты или некоторые жрецы. Право граждан собираться на сходку по своему усмотрению официально никогда не признавалось и, естественно, законодательно закреплено не было¹⁸. Более того, такие неофициальные собрания вызывали подозрение правящей элиты и порой даже запрещались государством¹⁹. Именно в этом состоит ключевое различие: в современном демократическом государстве организованные рядовыми гражданами митинги и демонстрации рассматриваются властью как нормальная и допустимая форма участия людей в политической жизни, а в Римской республике – как ненормальная и нежелательная (в лучшем случае – терпимая).

Утверждение А.С., что «подавляющая часть законов была нормами, так сказать, общего пользования, необходимыми для регулирования жизни общества, соответственно, в них были заинтересованы все слои римского гражданства» (с. 6), выглядит голословным. Любой закон регулирует какую-то сферу жизни общества, однако то, что все слои римского гражданства были заинтересованы в принятии подавляющей части законов, необходимо доказывать, чего, однако, не делается; гораздо вероятнее, что немалая часть принимаемых законов имела значение только для отдельных групп граждан (это относится, например, ко многим внешнеполитическим инициативам, уголовным законам, законам против роскоши и т.п.). По всей видимости, устойчивый интерес большого числа плебеев вызывали только две группы законов: хлебные и (до определенного момента) аграрные²⁰.

Едва ли можно согласиться с мнением А.С. о том, что «римский политический гений» проявился в разделении обсуждения законопроекта и голосования по нему: обсуждение велось на *contiones*, а в комициях

¹⁸ Некоторые авторы считают, что неофициальные сходки вообще не могут рассматриваться как *contiones* (см. напр.: *Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989. P. 237–238*).

¹⁹ См.: *O'Neill P. Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome // ClAnt. 2003. Vol. 22. P. 144–145; Knopf F. Circuli – Statuen – Funera. "Unverfasste" Partizipationsformen der spätrepublikanischen Plebs // Klio. 2019. Bd. 101. S. 112–115*. В этом вопросе нельзя согласиться с В.В. Дементьевой и Р.М. Фроловым, которые рассматривают несанкционированные сходки как «легитимный общественно-политический институт» (*Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской республики // ВДИ. 2009. № 4. С. 63–88*): скорее политическая элита Республики вынуждена была мириться с неофициальными собраниями, но при этом она никогда не оставляла попыток поставить их под контроль официальных лиц. Приводимые этими авторами примеры, относящиеся к V – началу IV в. до н.э. (а иногда даже к царской эпохе), вообще едва ли можно всерьез обсуждать как имеющие отношение к исторической реальности.

²⁰ См. об этом: *Knopf F. Die Partizipationsmotive... S. 355–357*.

только подавали голоса (с. 7–8). Разумеется, это никак нельзя назвать своеобразным древнеримским аналогом «дня тишины» на современных выборах (даже если оставить в стороне вопрос, насколько корректно вообще сравнивать такие разные вещи, как процедура принятия законов и выборы должностных лиц)²¹. Дело в том, что очень часто никакого значительного перерыва между обсуждением и голосованием, во время которого голосующий мог поразмыслить над своим решением, не было. Последняя *contio* после ее окончания во многих случаях почти сразу превращалась в комиции: с места голосования удалялись те, кто не имел права голоса, собравшиеся разделялись по трибам, выносились урны и т.д.²²

Многие замечания А.С. по поводу современной представительной демократии справедливы скорее не для стран «развитой демократии» (таких как США, Канада, Австралия или государства Западной Европы), а для политических режимов того типа, которые некоторые политологи называют «гибридными» (к ним относятся, к примеру, РФ, большинство республик бывшего СССР, некоторые государства Латинской Америки, Турция)²³. Такие режимы по сути своей являются автократиями, но при этом сохраняют отдельные демократические институты (парламент, выборы и т.п.), которые носят более или менее имитационный характер. Именно эти государства имеют гораздо больше общих черт с Римской республикой, чем настоящие представительные демократии. Например, А.С. отмечает возросшую в наше время эффективность манипуляции общественным сознанием средствами массовой информации (с. 9). В условиях фактической монополии действующей власти на средства массовой информации, прежде всего на телевидение, это действительно так. Однако при отсутствии такой монополии эффективность любых манипуляций резко падает. Хорошим примером этого может служить победа в 2016 г. на президентских выборах в США Дональда Трампа, одержанная вопреки тому обстоятельству, что абсолютное большинство наиболее влиятельных традиционных средств массовой информации открыто поддерживали его соперницу Хиллари Клинтон. Разумеется, Трамп отнюдь не является выходцем из народа и сам принадлежит к традиционной американской элите, но важно другое: он смог одержать победу на выборах именно благодаря поддержке рядовых граждан (хотя, разумеется, далеко не всех) и вопреки воле значительной части истеблишмента, в том числе влиятельных членов его собственной Республиканской партии.

²¹ Не говоря уже о том, что в данном контексте А.С. ссылается на случай не из избирательной или законодательной, а *судебной* практики, а именно на процесс над стратегами – победителями при Аргинусских островах, которые названы к тому же *полководцами* (с. 8), хотя они выиграли *морскую* битву.

²² Описание этой процедуры см., например, у Аскония (71 С).

²³ См. напр.: *Karl T.L. The Hybrid Regimes of Central America // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. P. 72–86; Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. N.Y., 2010.*

В Поздней римской республике ситуация была совершенно иной. Необходимо помнить об огромном имущественном расслоении между правящей верхушкой и основной массой граждан. Те люди, которых можно было бы назвать «средним классом», составляли в Риме гораздо меньшую долю населения, чем в современных представительных демократиях²⁴, а ведь именно они, как правило, наиболее активно и охотно участвуют в общественной и политической жизни. Намного значительнее, чем сейчас, был разрыв в уровне образования между верхами и низами общества. В отсутствие средств массовой информации рядовые граждане были плохо осведомлены о политических событиях и принимаемых политическими лидерами решениях²⁵. Например, А.С. упоминает хрестоматийный эпизод, когда в 200 г. до н.э. центуриатные комиции огромным большинством голосов проголосовали против объявления войны македонскому царю Филиппу V (Liv. XXXI.6.3–4). Сенат оказался недоволен этим решением; вопрос вновь был поставлен на голосование, и народ дал позволение начать войну (Liv. XXXI.8). А.С. изображает дело так, что на *contio* перед повторным голосованием «консул именно убедил народ, приведя в своей речи весьма весомые аргументы» (с. 6). Независимо от того, насколько точно речь консула П. Сульпиция Гальбы передана Титом Ливием, примечательно, что последний как минимум без осуждения приписывает оратору такой аргумент, как запугивание аудитории тем, будто Филипп намерен высадиться в Италии; между тем, наличие у македонского царя подобных планов фактами не подтверждается²⁶. Это означает, что аудитория историка считала такой нечестный прием нормальным. К этому можно добавить апелляцию Гальбы к воле богов и авторитету сената (Liv. XXXI.7). Налицо скорее не «весомые аргументы», о которых пишет А.С., а откровенные манипуляции и давление на слушателей.

Можно вспомнить и другой пример прямого вмешательства сената в деятельность комиций, который А.С. не упоминает, хотя он более чем характерен²⁷. В 167 г. *patres* выразили возмущение нежеланием комиций вотировать триумф Л. Эмилию Павлу за победу над Македонией: они явились в народное собрание и попросту заставили его проголосовать «как надо», причем консуляр М. Сервий Пулик Гемин при-

²⁴ См. об этом, напр.: *Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 11*; *Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 71, 78.*

²⁵ *Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 76.*

²⁶ Многие исследователи, впрочем, вообще сомневаются в достоверности содержания речи Гальбы в передаче Ливия и предполагают, что оно могло быть полностью выдумано анналистами: *Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambr., 1940. P. 128. Not. 4*; *Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979. P. 214.* Однако даже если мы примем эту точку зрения, аргументы А.С. не становятся убедительнее – в таком случае вообще нельзя сказать о том, как консулу удалось добиться от комиций принятия решения о начале войны.

²⁷ Э. Флайг, рассуждая о фактических возможностях комиций, приводит его как раз после рассмотрения случая с объявлением войны Филиппу V (см. *Flaig E. Entscheidung und Konsens. S. 82–83.*)

бег к недвусмысленным угрозам, заявив, что лично спустится к месту голосования и проследит, кто именно выскажется против триумфа (Liv. XLV.35–39; Plut. Aem. 31.6). Поскольку голосование было в те времена открытым, мало сомнений, что перед нами не риторические фантазии Ливия, а отражение отнюдь не демократических реалий.

Обсуждение всех вопросов в сенате проходило за закрытыми дверями, и до середины I в. до н.э. информация о том, что происходило на заседаниях, не обнародовалась²⁸. Нужно учитывать также римский консерватизм, глубокое уважение к традициям и общую установку на идеализацию прошлого. В таких условиях в обществе неизбежно господствовали представления, ценности и образцы поведения, транслировавшиеся «сверху» представителями традиционной элиты; никакой альтернативы им не было и не могло появиться (что опять-таки признает А.С.: с. 9)²⁹. Ничего подобного в современных демократических странах не наблюдается. Учитывая все это, нельзя всерьез принимать аргумент А.С.: «Да, народ практически всегда голосовал “за” [внесенные законопроекты], но никто и ничто не могло ему помешать проголосовать против, кроме уважения к руководителям римского государства» (с. 6). В подавляющем большинстве случаев голосовать «против» народу мешали как раз изложенные выше обстоятельства. Кроме того, в римских комициях (как электоральных, так и законодательных) всегда принимал участие только очень небольшой процент имеющих право голоса³⁰, и дело здесь не только в больших размерах Римского государства и огромной численности гражданского коллектива после Союзнической войны, как полагает А.С. (с. 9–10). Сама процедура была организована таким образом, что она исключала из процесса голосования значительную часть имеющих на это право лиц, и на это следует обратить особое внимание: римская политическая система отнюдь не нуждалась в участии большого числа граждан в голосованиях – напротив, их число намеренно ограничивалось³¹. В современных же демократических государствах высокая явка на выборы и референдумы считается желательной, зачастую принимаются специальные меры для ее повышения (агитация, обязательное уведомление о голосовании; в некоторых странах – например, в Австралии, Аргентине, Бразилии – участие в голосовании даже является обязанностью гражданина, за уклонение от которой предусмотрена судебная ответственность³²), а иногда вводится и минимальный порог явки, необходимый для того, чтобы признать голосование состоявшимся. В госу-

²⁸ *Acta diurna* стали составляться только в 59 г. до н.э. по инициативе консула Г. Юлия Цезаря (Suet. Iul. 20.1).

²⁹ Mouritsen H. *Politics in the Roman Republic*. P. 162–164.

³⁰ По подсчётам Х. Моритсена (*Mouritsen H. Plebs and Politics...* P. 32), в середине I в. до н.э. в выборах высших магистратов участвовало около 3% от общего числа римских граждан и не более 12% гражданского населения самого города Рима.

³¹ Mouritsen H. *Plebs and Politics...* P. 34–37.

³² <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/311.html> (дата обращения: 1.07.2020).

дарствах, где выборы носят имитационный характер, дело обстоит наоборот: чаще всего власть не предпринимает особых усилий для того, чтобы увеличить явку избирателей (за исключением зависимых от нее групп, которые всегда голосуют «как надо»), а иногда даже стремится ее уменьшить. Вот эта тактика гораздо больше напоминает древнеримские реалии.

Кроме того, римское общество эпохи Республики по сравнению с современным имело гораздо более жесткую социальную стратификацию. Хотя сословные перегородки не были непроницаемыми, переход на более высокую ступень социальной иерархии представлял большие трудности. Как правило, такое продвижение вверх занимало несколько поколений, а незнатное происхождение серьезно мешало политической карьере. Многие «социальные лифты», характерные для современного общества, отсутствовали (как, например, университеты или Церковь), а другие – работали на порядок хуже (например, в армии рядовой легионер мог дослужиться только до центуриона; более высокие, «офицерские» должности были ему недоступны – они предназначались лишь членам всаднического и сенаторского сословий).

Разумеется, нельзя утверждать, что римский плебс был полностью аполитичен. Но в сложившихся условиях его политическая активность могла проявляться лишь в неофициальных формах, стоявших вне рамок существующей политической системы, – это участие в коллегиях, которые могли играть роль своеобразных политических клубов, неофициальных сходках и уличных беспорядках. Свое отношение к тем или иным политическим лидерам также можно было выразить в театре, цирке либо амфитеатре во время игр. О том, что римский плебс не был политической силой, способной осознавать и отстаивать свои интересы, красноречиво свидетельствуют события гражданских войн I в. до н.э., в которых он не играл никакой самостоятельной роли.

А.С. подчеркивает важность общественно-политического консенсуса, согласия между народом и элитой (с. 8). С его точки зрения, этот консенсус обеспечивался прежде всего правом народа выбирать должностных лиц, в том числе и высших. Однако, как известно, центуриатные комиции, в которых избирались ключевые магистраты (консулы, преторы и цензоры), были организованы таким образом, что решающую роль при голосовании играли зажиточные граждане³³. Доступ к значимым должностям фактически имели только представители двух высших сословий (сенаторов и всадников). Более того, наилучшие шансы на избрание имели представители знатных фамилий, чьи предки уже занимали высшие магистратуры. Выскочки, не имевшие предков-сенаторов (так называемые «новые люди», *homines novi*) лишь в исключительных случаях достигали консулата³⁴. При этом кандидаты в подавляющем большинстве случаев не представляли избирателям никакой предвыборной программы, а многие из них, веро-

³³ Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 39–44.

³⁴ Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 22–23, 40–45.

ятно, вообще не имели собственных политических взглядов³⁵. Обещать что-либо избирателям во время предвыборной кампании, по-видимому, даже считалось дурным тоном и заискиванием перед толпой. Например, Гн. Помпей в конце 71 г. только *после* того, как он выиграл консульские выборы на 70 г., выступил на народной сходке и произнес речь, в которой пообещал добиваться восстановления власти плебейских трибунов, а также принять меры для улучшения управления провинциями и искоренения коррупции в судах (Cic. Verr. I.45)³⁶. Обычно победа того или иного лица на выборах, в сущности, имела значение только для самого кандидата, его семьи, друзей и клиентов³⁷. По всей видимости, именно в этом заключается одна из причин широкого распространения в эпоху Поздней республики такого явления как подкуп на выборах: большинству избирателей было, в общем, безразлично, за кого отдавать свой голос, так что даже небольшая сумма денег могла склонить их симпатии в пользу прибегнувшего к этому средству кандидата³⁸. Да, римский народ мог сам выбирать себе лидеров (из крайне ограниченного числа кандидатов, чаще всего почти неотличимых друг от друга), но какое это имело *для него* значение? К тому же срок полномочий практически всех ординарных магистратов был ограничен всего одним годом. Поэтому исход выборов чаще всего не оказывал никакого влияния на общий политический курс, который определялся согласованными решениями полутора-двух десятков наиболее влиятельных сенаторов из числа консуляров и (в редких случаях) преториев.

Странно выглядит очень ответственное утверждение А.С., что «в трибунных комициях граждане, приписанные к сельским трибам (31 из 35), но живущие в Риме, выступали как бы вроде депутатов своих земляков» (с. 10). Непонятно, на каких свидетельствах источников оно базируется и каким образом реализовывался на практике этот механизм, если он реально существовал (неужели в форме крестьянских наказов?). Будем надеяться, что в других своих работах А.С. разовьет этот тезис подробнее. Также едва ли правомерно вслед за В.В. Дементьевой сравнивать римских сенаторов с современными депутатами (там же) – большинство сенаторов, прежде чем попасть в этот орган, действительно, проходили процедуру выборов, но переизбрать или тем более отозвать их было уже невозможно, ибо членство в сенате было по сути пожизненным, так что эти «депутаты» даже теоретически никак не зависели от мнения своих «избирателей». Можно ли назвать это зачатками представительной демократии, оставим судить читателю.

³⁵ Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. P. 43–44, 116.

³⁶ Leach J. Pompey the Great. L., 1978. P. 59.

³⁷ Flaig E. Entscheidung und Konsens. S. 77–79.

³⁸ См. об этом подробнее, напр.: Jehne M. Die Beeinflussung von Entscheidungen durch “Bestechung”: Zur Funktion des *ambitus* in der römischen Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 56–63.

Таким образом, я полагаю, что позиции противников теории «римской демократии», которых критикует А.С., по-прежнему остаются непоколебленными. «Двойные стандарты» в оценке римского политического устройства, на существование которых в научных исследованиях он жалуется, на поверку тоже оказываются мифом. Напротив, многие утверждения самого А.С. нуждаются в гораздо более подробном обосновании на материале античных источников, без чего его выводы совершенно неубедительны³⁹. Следуя мнению большинства современных ученых, политический строй Классической и Поздней римской республики следует определить как аристократический (или, если угодно, меритократический)⁴⁰, а тот демократический потенциал, наличие которого справедливо подчеркивает А.С., реализовался далеко не в полной мере (впрочем, иного трудно было и ожидать). Переход к системе Принципата в этом отношении ничего не изменил, так как плебс (т.е. подавляющее большинство гражданского коллектива) по-прежнему оставался полностью управляемым и политически пассивным; поменялась лишь система принятия решений внутри сравнительно узкого слоя правящей элиты. Поэтому политический строй, созданный Августом, в какой-то степени действительно представлял собой «восстановленную республику» (*res publica restituta*) и, вероятно, воспринимался как таковая значительной частью граждан. Возвращать «римскому народу его собственное место в истории демократических ценностей»⁴¹, пожалуй, не стоит: вклад римлян в современную цивилизацию достаточно значим и без этого.

Литература

- Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские *contiones* как общественно-политический институт Римской республики // ВДИ. 2009. № 4. С. 63–88.
- Корнелл Т.-Дж. Рим возвращает утраченные позиции // Кембриджская история древнего мира. Т. VII. Кн. 2. Возвышение Рима: от основания до 220 года до н.э. / пер. с англ. В.А. Гончарова. М., 2015. С. 373–418.
- Короленков А.В. Новые книги об общественно-политической жизни позднереспубликанского Рима // ВДИ. 2009. № 3. С. 185–194.
- Сморчков А.М. Двойные стандарты в оценках римской демократии // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–12.
- Суриков И.Е. Классическая афинская демократия: «свет и тени народовластия» // Он же. Античная Греция: политогенез, политические и правовые институты. 2-е изд. М., 2018. С. 183–195.
- Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.

³⁹ Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что сам жанр рассматриваемой работы не позволял А.С. дать такое обоснование, но может быть, он сочтет нужным сделать это в своих будущих публикациях более специального характера.

⁴⁰ О Римской республике как меритократическом государстве см. например: *Hölkeskamp K.-J. Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen.* Stuttgart, 2004.

⁴¹ Выражение Ф. Миллара (*Millar F. Politics, Persuasion and the People...* P. 9), цитируемое А.С. (с. 4).

- Chrystaljow W.K.* Die *corona* in den spätrepublikanischen römischen Gerichtshöfen // ВДИ. 2021. № 1(81). С. 99–115.
- Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambr., 1983.
- Flaig E.* Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 77–127.
- Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. Göttingen, 2003.
- Gabba E.* Democrazia a Roma // Athenaeum. 1997. Vol. 85. P. 266–271.
- Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979.
- Hölkeskamp K.-J.* The Roman Republic: Government of the People, by the People, for the People? // SCI. 2000. Vol. 19. P. 203–223.
- Hölkeskamp K.-J.* *Senatus populusque Romanus*. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004.
- Jehne M.* Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 1–9.
- Jehne M.* Die Beeinflussung von Entscheidungen durch “Bestechung”: Zur Funktion des *ambitus* in der römischen Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 51–76.
- Karl T.L.* The Hybrid Regimes of Central America // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. P. 72–86.
- Knopf F.* Die Partizipationsmotive der *plebs urbana* im spätrepublikanischen Rom. Münster, 2018.
- Knopf F.* *Circuli* – Statuen – *Funera*. “Unverfasste” Partizipationsformen der spätrepublikanischen Plebs // Klio. 2019. Bd. 101. S. 107–141.
- Leach J.* Pompey the Great. L., 1978.
- Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. N.Y., 2010.
- Millar F.* The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. Vol. 74. P. 1–19.
- Millar F.* Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.) // JRS. 1986. Vol. 76. P. 1–11.
- Millar F.* Political Power in Mid-Republican Rome: Curia or Comitium? // JRS. 1989. Vol. 79. P. 138–150.
- Millar F.* Popular Politics at Rome in the Late Republic // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz / I. Malkin, Z.W. Rubinsohn (eds.). Leiden; New York; Köln, 1995. P. 91–113.
- Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998.
- Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004.
- Mouritsen H.* Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2001.
- Mouritsen H.* Politics in the Roman Republic. Cambr., 2017.
- Nippel W.* Aufruhr und “Polizei” in der römischen Republik. Stuttgart, 1988.
- O’Neill P.* Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome // CIAnt. 2003. Vol. 22. P. 135–165.
- Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.
- Tiersch C.* Politische Öffentlichkeit statt Mitbestimmung? Zur Bedeutung der *contiones* in der mittleren und späten römischen Republik // Klio. 2009. Bd. 91. S. 40–68.
- Walbank F.W.* Philip V of Macedon. Cambr., 1940.

References

- Chrystaljow W.K.* Die corona in den spätrepublikanischen römischen Gerichtshöfen // Vestnik drevnei istorii. 2021. No. 1(81). C. 99–115.
- Cornell T.-J.* Rim vozvrashchaet utrachennoye pozitsii // Kembrizhskaya istoriya drevnego mira. T. VII.2. Vozvysheniye Rima: ot osnovaniya do 220 goda do n.e. / V.A. Goncharov (trans.). Moscow, 2015. P. 373–418.
- Dement'eva V.V., Frolov R.M.* Nesanktsionirovannyye grazhdanskiye kontiony kak obshchestvenno-politicheskiy institut Rimskoy respubliki // Vestnik drevney istorii. 2009. No. 4. P. 63–88.
- Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambr., 1983.
- Flaig E.* Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 77–127.
- Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. Göttingen, 2003.
- Gabba E.* Democrazia a Roma // Athenaeum. 1997. Vol. 85. P. 266–271.
- Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979.
- Hölkeskamp K.-J.* The Roman Republic: Government of the People, by the People, for the People? // SCI. 2000. Vol. 19. P. 203–223.
- Hölkeskamp K.-J.* Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004.
- Jehne M.* Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 1–9.
- Jehne M.* Die Beeinflussung von Entscheidungen durch “Bestechung”: Zur Funktion des ambitus in der römischen Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / M. Jehne (Hg.). S. 51–76.
- Karl T.L.* The Hybrid Regimes of Central America // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. P. 72–86.
- Knopf F.* Die Partizipationsmotive der plebs urbana im spätrepublikanischen Rom. Münster, 2018.
- Knopf F.* Circuli – Statuen – Funera. “Unverfasste” Partizipationsformen der spätrepublikanischen Plebs // Klio. 2019. Bd. 101. S. 107–141.
- Korolenkov A.V.* Novyye knigi ob obshchestvenno-politicheskoy zhizni pozdnerepublikanskogo Rima // Vestnik drevney istorii. 2009. No. 3. P. 185–194.
- Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. N.Y., 2010.
- Leach J.* Pompey the Great. L., 1978.
- Millar F.* The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. Vol. 74. P. 1–19.
- Millar F.* Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.) // JRS. 1986. Vol. 76. P. 1–11.
- Millar F.* Political Power in Mid-Republican Rome: Curia or Comitium? // JRS. 1989. Vol. 79. P. 138–150.
- Millar F.* Popular Politics at Rome in the Late Republic // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz / I. Malkin, Z.W. Rubinsohn (eds.). Leiden; New York; Köln, 1995. P. 91–113.
- Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998.
- Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004.
- Mouritsen H.* Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2001.
- Mouritsen H.* Politics in the Roman Republic. Cambr., 2017.

- Nippel W.* Aufruhr und “Polizei” in der römischen Republik. Stuttgart, 1988.
- O’Neill P.* Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome // *ClAnt.* 2003. Vol. 22. P. 135–165.
- Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.
- Smorchkov A.M.* Dvoynye standarty v otsenkakh rimskoy demokratii // *Zhurnal politicheskikh issledovaniy.* 2018. T. 2. No. 3. P. 1–12.
- Surikov I.E.* Klassicheskaya afinskaya demokratiya: “svet i teni narodovlastiya” // *idem.* Antichnaya Gretsiya: politogenez, politicheskie i pravovye instituty. 2nd ed. Moscow, 2018. P. 183–195.
- Tiersch C.* Politische Öffentlichkeit statt Mitbestimmung? Zur Bedeutung der *contiones* in der mittleren und späten römischen Republik // *Klio.* 2009. Bd. 91. S. 40–68.
- Trukhina N.N.* Politika i politiki “zolotogo veka” Rimskoy respubliki. Moscow, 1986.
- Walbank F.W.* Philip V of Macedon. Cambr., 1940.
- Поступила в редакцию / Received 16.04.2021.
Принята к публикации / Accepted 17.07.2021.
Опубликована / Published 25.12.2021.